

Лапина Ирина Владимировна

канд. филос. наук, доцент

Истомин Сергей Викторович

магистрант

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный

экономический университет (РИНХ)»

г. Таганрог, Ростовская область

**РОЛЬ ДИПЛОМАТИИ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ
МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ С ПОЗИЦИИ
КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ**

Аннотация: в статье авторы анализируют дипломатические приемы и инструменты, используемые государствами во внутренней и внешней политике, направленные на сохранение человеческих ресурсов. В ходе исследования деятельности крупных военно-политических группировок и военных блоков показано, как форсировалась гонка вооружений и проводилась агрессивная политика с использованием вооруженной силы и тем самым сгущалась атмосфера взаимного недоверия и подозрительности. Авторы, используя метод когнитивного моделирования и построив когнитивные карты, показывают связи в анализируемых социальных практиках с позиции исследования средств дипломатического давления, используемые дипломатами и разведчиками для достижения целей во внешнеполитической и внутривнутриполитической сферах влияния.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, дипломатические приемы, дипломатические методы, интеллектуальные войны, военно-политические союзы, человеческие ресурсы.

Введение.

Вначале отметим, что феномен дипломатии является сложным и даже противоречивым во многих своих проявлениях. Анализируя исторические и политические взгляды, можно с убедительностью отметить, что понимание природы

дипломатии имеет широкий и не всегда последовательный характер. Дипломатия являлась и теперь также является бесспорным действенным инструментом обеспечения национальной безопасности государств. От того, как тайно и не разглашая своих планов выведывать намерения своих потенциальных противников, заключать выгодный политический союз во многом, от чего всецело зависело мирное сосуществование того или иного государства. В нашем исследовании мы проанализируем социальные практики, связанные с вариантами применения дипломатических инструментов в решении судьбоносных вопросов, связанных с внешней и внутренней политикой крупных государств в мировом пространстве и наглядно покажем посредством когнитивного моделирования взаимосвязь компонентов, связанных с политическими решениями, направленными на снижение рисков потенциально опасных ситуаций, приведших к чрезвычайным ситуациям военного и мирного времени.

Основная часть.

Вначале скажем, что для нашего исследования интересным будет замечание Г. Никольсона, который в монографии «Дипломатия», указывал на то, что в ней имели место реальные катастрофы и потенциальные риски связанные с тем, что представители той или иной страны не имели полновесной поддержки со стороны своей высшей власти [15, с. 48]. Более того, иллюстрацией дипломатической деятельности может послужить острая фраза Людовика XI, который говорил своим послам: «Если вам будут врать, врите еще больше» [23, р. 153].

Итак, мы проанализируем дипломатическую практику, механизмы и инструменты, используемые российскими дипломатами в разные исторические периоды с целью дальнейшего проведения когнитивного анализа и построения когнитивных карт на основе сравнительного исследования исторических фактов, успешных приемов и средств ведения тайной дипломатии.

Как известно, только в XVIII веке царствования Петра I дипломатия превращается в «регулярную» государственную службу. Как верно отмечает Н.А. Кудрявцев, обычный прием дипломатов заключается в том, чтобы, завышая требования в начальной стадии переговоров, добиться желаемого в конце [12, с. 263].

В период правления Николая I в России преобладала полицейская точка зрения, иными словами забота об охране порядка и жесткой дисциплины, а точнее принудительный характер взаимоотношений по многим ключевым вопросам. Исходя из данной предпосылки можно утверждать, что дипломатическая деятельность государя Российской империи строилась, с одной стороны на способности и умении вести переговоры и вовремя понять ошибку и свернуть с опасного пути, а с другой стороны основывалась на палочной дисциплине и режиме жандармского удушения печати, искусства, литературы и науки. Как указывает Е.В. Тарле согласно воззрениям Николая I, Российская империя создавалась завоеваниями, и физическая сила одна только подчиняла неограниченной власти русского царя весь конгломерат его подданных. Интересна и следующая ремарка о правлении Николая I – все революции происходят от слабости и снисходительности правителей, всякая уступка губительна. Отсюда и вытекает представление государя о крепостном праве, вопрос, который поднимать слишком опасно и что лучше мириться с чем угодно, но не трогать основ существующего порядка вещей [19, с. 136–145]. В целом можно констатировать, что в анализируемый период русская дипломатия ставила перед собой задачу иметь контроль над проливами, избавиться от серьезной опасности, которую представляла собой Англия, обезопасить все русские побережья Черного моря, свободу экспорта.

Отдельно приведем вариант поиска решения, предпринятого А.Ф. Орловым. Он путем угроз и нажима с использованием дипломатического метода, без пролития капли русской крови принудил уйти турецкие войска за хребет Тавра и как итог турецкие войска в полном составе ушли за Тавр и 8 июля 1833 года был подписан Орловым и турецкими представителями новый русско-турецкий договор.

В противовес приведем вариант дипломатической политики Америки. Так, Президент США Т. Рузвельт и его известная всем государствам дипломатия «большой дубинки» эффективно дополнялась силой доллара. На практике правительство США прибегало так же и к средствам давления. Примером может послужить американская дипломатия, которая постоянно вмешивалась в дела Кубы

и грозила репрессиями, и в итоге американские войска оставались в Кубинской республике до января 1909 года. Здесь явно прослеживалась связь политического нажима США, обеспечивающего экспансию американского капитала – дипломатия пробивала дорогу доллару, а доллар в свою очередь облегчал работу дипломатии и вооруженной силы. Вслед за Кубой, Панамой и Доминиканской республикой жертвами дипломатии доллара стали Никарагуа, Гаити, а затем и другие страны Центральной Америки. Позже, ко времени Первой мировой войны, Мексика стала жертвой большой вооруженной интервенции США.

В свою очередь, примером применения дипломатических средств Русским правительством стала ситуация, сложившаяся в отношениях с Турцией в 1914 году, в ходе борьбы России за Константинополь и черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Заметим, что для Российской империи вопрос контроля проливов был одним из актуальнейших пунктов внешней политики. Известно, что Николай II в целях давления на Турцию одобрил совместное решение министра иностранных дел С.Д. Сазонова, военного министра и морского министра «в случае большой европейской войны разрешить «восточный вопрос» в пользу России путем установления господства в Константинополе, в проливах Босфор и Дарданеллы» [4, с. 56]. Поскольку Российская империя имела право держать Черноморский флот, однако вывести его за пределы акватории данного водоема не могла из-за закрытого режима проливов. Итак, весомым результатом деятельности министра иностранных дел России С.Д. Сазонова как дипломата являлось соглашение с Англией и Францией 1915 году, что после победоносного завершения мировой войны черноморские проливы и Константинополь перейдут к России. Однако Советская Россия отказалась принимать участие в разделе Турции.

В данном контексте еще одним примером дипломатического инструмента может послужить утверждение Дж. Бьюкенена рассчитанное на пропагандистский эффект в самой России «есть много оснований полагать, что война с Турцией должна быть встречена сочувственно широкими кругами русской общественности, убежденными, что Россия не извлечет никаких значительных выгод

из войны с Германией и Австрией» [2, с. 227]. При чем на практике мнение высших кругов русского общества сводилось к единодушию в вопросе о присоединении столицы султана и выходы из Черного моря к владениям Николая II. Надо заметить, что стратегические интересы России в вопросе выходов в проливы через Черное море заключались в острой необходимости морского торгового пути для России. Так, в памятной записке русского дипломата Н.А. Базили говорилось: «Зависимость этого торгового пути... от произвола чужой территориальной власти... противоречит нашим первостепенным государственным интересам» [1, с. 158]. С данным мнением были солидарны профессор Е. Н. Трубецкой, принадлежавший к либеральной партии, министр иностранных дел России Сазонов, экономист Туган-Барановский, П.Н. Миллюков, глава кадетов – ведущей буржуазной партии и др. Таким образом, немалый вклад в восстановление статуса державы на мировой арене должна была внести русская дипломатия, которая и предпринимала для этого все возможные усилия.

Далее, скажем о дипломатической политике, проводимой В.И. Лениным и большевиками во время первой Мировой войны. Итак, как замечает Роберт Уорт, они начали проводить политическую кампанию за выход России из войны причем Петроградский совет, агитировал за демократический мир «без аннексий и контрибуций» [22, с. 107].

Первым министром иностранных дел советской России стал Л.Д. Троцкий, который безапелляционно утверждал, что мировому пролетариату дипломатия не нужна, более того, в Смольном дипломатия считалась бранным словом. В работе автора Л.М. Млечина «Тайная дипломатия Кремля» читаем следующее о Троцком: «Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит. Клянется Троцкий – клянется чернь. В революции толпа требует позы, немедленного эффекта». Приведем здесь так же высказывание В.И. Ленина «Врать!» – этот завет советская дипломатия пронесет через все годы. Сам Ленин считал дипломатию лишь прикрытием для реальной политики и объяснял сотрудникам наркомата: годятся любые лозунги, даже несоответствующие политике страны, лишь бы они способ-

ствовавали «разложению врага» [14, с. 125]. В свою очередь, Сталин считал дипломатию доведенным до совершенства искусством обмана: «Слова дипломата не должны иметь никакого отношения к действиям – иначе, что это за дипломатия? Слова – это одно, а дела – другое... Искренняя дипломатия невозможна...» [14, с. 27, 35].

«Пока человек не нарушает чужой свободы, принуждение не может иметь места», так утверждал Г.В. Чичерин, двенадцать лет, руководивший советской дипломатией. Однако в социальных практиках можно утверждать, что непосредственное принуждение правительственной властью путем политической дисциплины не всегда приводило к желаемым результатам. Так, уже в феврале 1918 года на заседании ЦК, вероятно, впервые прозвучала эта идея: в мировой политике «государство принуждено делать то, чего не сделала бы партия».

По словам очевидца работы советских дипломатов, в предвоенный период т.е. перед второй мировой войной П.А. Судоплатова важные задания выполняли дипломаты Я. Суриц, Б. Штейн, И. Майский. Однако на ключевых направлениях, были расставлены не профессиональные дипломаты, а представители разведки НКВД, это К.А. Уманский в США, посол-резидент НКВД А.С. Панюшкин в Китае. Кроме того, велась обширная работа по зарубежью, так, например, коммунистические партии рассматривались как боевой резерв в будущем военном противостоянии, также работа с эмиграцией позволяла выйти на ценные источники информации, которые негласно разделяли идеологические взгляды советской страны, и это агенты влияния [17, с. 49, 62]. Безусловно, большую роль сыграла работа дипломатов и разведчиков, направленная на разоблачение прогитлеровской и антисоветской политики. Очевидно, что такая деятельность приводила к эффективному результату, и примером может послужить опубликование в коммунистической прессе материалов о преступлениях фашистских отрядов в Эфиопии и Испании, сделанных журналисткой Ж. Табуи, привлеченной к сотрудничеству с Советским Союзом дипломатом и разведчиком М.И. Розенбергом.

Нельзя обойти вниманием дипломатическую работу советника советского посольства в Берлине с 1938 года Г.А. Астахова приложившему немало усилий в начальной стадии подготовки советско-германского пакта о ненападении и в последующем времени попавшим под репрессии.

Вполне уместно здесь резюмировать, что в ходе Отечественной и второй мировой войн Советский Союз вернул себе, с позиции геополитических завоеваний и повышения уровня безопасности страны, все то что ослабленная Россия утратила в 1918–1920 гг., а также еще взял реванш у Японии за поражение на сопках Манчжурии, в Цусимском проливе и под Порт-Артуром в 1904–1905 гг. [см. 16, с. 20].

Можно здесь привести и примеры чисто дипломатического давления принудительного характера, результатом которого стали договоры о взаимной помощи с правом размещения в прибалтийских государствах советских войск, мобилизации своих коммунистических сторонников в этих странах, а также и оказании мощного социально-политического давления на их буржуазное руководство. И как итог – вхождение прибалтийских государств в состав СССР.

По мнению А.Н. Сахарова, дипломатический поворот в начале войны определил прежде всего советский народ и его армия, а реализовали его политики. А также и положение о том, что характерной особенностью советской дипломатии являлось, то, что она никогда не имела ни начала, ни конца и никогда не произносила последнего слова, а также и то, что ей свойственно на фоне тяжких поражений открывать перспективы [см. 16, с. 65]. Дипломатия с разной степенью интенсивности находила подтверждение в истории советского государства. В данном контексте мы можем сказать об идее пропаганды коммунистической революции во всем мире, которая была своего рода дымовой завесой идеологического характера, призванной утвердить СССР в роли сверхдержавы, влияющей на все события в мире. Хотя изначально эта концепция и была идеологической, но она при этом постепенно стала реальным политическим курсом.

Примером успешных действий советской дипломатической разведки являлась работа, проведенная в отношении ученых Запада – Оппенгеймера, Ферми,

Бора и других – в качестве «агентов советской разведки». Они таковыми не были. Однако они сознательно делились с доверенными лицами Советского правительства и разведки важной информацией о научно-технических разработках в области ядерного оружия. Их научные труды попали в Советский Союз и Швецию с их ведома [18, с. 186].

Дальнейшие отношения между президентом США Дж.Ф. Кеннеди и Н.С. Хрущевым при урегулировании известного в мировой практике Кубинского кризиса основывались на открытых каналах для диалога. Если посмотреть в глубь истории дипломатии США, то можно отметить, что доктрина «открытых дверей» составляла существенный этап в выработке специфических методов колониальной политики Соединенных Штатов. Тем самым формировалась либеральная личина. И таким образом, при руководстве президента Дж.Ф. Кеннеди стала выкристаллизовываться дипломатическая политика, основанная на инструментах для «гибкого реагирования», которая предполагала готовность США к военным действиям при любых ситуациях и гонку ядерных вооружений [6, с. 45]. Более того, бытует мнение, что «русских можно заставить отступить только в том случае, если они будут уверены, в готовности США ответить оружием на любой акт агрессии» [3, с. 421].

Надо заметить, что работа советских дипломатов в период противостояния двух супердержав отражена в работах многих исследователей и очевидцев, это работы: О.А. Гриневского, В.И. Ерофеева, В.Л. Израэляна, Ю.А. Квинцинского, Г.М. Корниенко, Р.М. Тимербаева, О.А. Трояновского и др. [5; 7; 8; 9; 11; 20; 21].

Еще одним вариантом дипломатического и политического шантажа в более поздний период истории государств России и США и на современном этапе является нефтяное оружие. Интересно мнение о работе Г. Киссинджера как дипломата, политического деятеля и стратегического аналитика, которого президент Р. Никсон назначил на пост помощника по национальной безопасности. Немаловажно, то, что он дипломатическим путем сумел «вложить меч – нефтяное оружие – обратно в ножны» предотвратив тем самым новую кровопролитную войну [10, с. 10].

Таким образом, в настоящей статье предлагается когнитивная модель системы *«Инструменты (приемы) дипломатии России и США как средство ведения интеллектуальных войн»* с использованием процедур когнитивного моделирования.

Состав и взаимодействие блоков *«Приемы дипломатии Царской России»* и *«Дипломатическая деятельность Советского государства»*, *«Дипломатия большевиков и СССР»*, *«Дипломатия США»* которые способствовали расширению геополитических интересов России, международной роли русского самодержавия. Дипломатия советской России смыкалась с политической и военной разведкой, вербовкой союзников, принудительному механизму гонки вооружений, в который бал втянут СССР со стороны США, подготовка вооруженного вмешательства возлагалась на империалистическую дипломатию США, войны за передел мира во главе которых стояли США.

Выделим блоки факторов, в модели *«Инструменты (приемы) дипломатии России и США как средство ведения интеллектуальных войн»*

Состав блока 1. «Дипломатическая деятельность царской России».

Д₁ – «Полновесная поддержка деятельности дипломатов государственной властью», Д₂ – «Завышение требований», Д₃ – «Полицейская точка зрения (охрана порядка и жесткая дисциплина)», Д₄ – «Физическая сила способ подчинения неограниченной власти русского царя», Д₅ – «Незыблемость основ существующего порядка – всякая уступка гибельна».

Состав блока 2. «Военная дипломатия Царской России».

В₁ – «Давление на Турцию с целью контроля над проливами Босфор и Дарданеллы 1914 г.», В₂ – «Закрытый режим проливов Босфор и Дарданеллы», В₃ – «Стратегические интересы России – морской торговый путь», В₄ – «Зависимость от чужой территориальной власти», В₅ – «Статус державы на мировой арене», В₆ – «Первая мировая война с Германией».

Выделим блоки факторов, в модели *«Дипломатическая деятельность Советского государства»*.

Состав блока 3. «Дипломатия большевиков и СССР».

Б₁ – «Петроградский совет за демократический мир «без аннексий и контрибуций – политическая компания за выход из Первой мировой войны». Б₂ – «Советская Россия не участвует в разделе Турции». Б₃ – «Л. Д. Троцкий – мировому пролетариату дипломатия не нужна». Б₄ – «Революция – немедленный эффект». Б₅ – «Сталин о дипломатии – искусство обмана». Б₆ – «Нет нарушения свободы – нет принуждения, принцип советской дипломатии». Б₇ – «Коммунистические партии -боевой резерв в будущем военном противостоянии» Б₈ – «Работа с эмиграцией – агенты влияния». Б₉ – «Разоблачение прогитлеровской коалиции». Б₁₀ – «Пакт о ненападении Германии на СССР». Б₁₁ – «Дипломатическое давление в прибалтийских государствах». Б₁₂ – «Размещение в прибалтийских государствах советских войск». Б₁₃ – «Пропаганда коммунистической революции во всем мире». Б₁₄ – «Научно-технические разработки в области ядерного оружия». Б₁₅ – «Принудительная гонка вооружений».

Состав блока 4. «Дипломатия США».

С₁ – «Доктрина «открытых дверей» США». С₂ – «Инструмент «гибкое реагирование» готовность США к военным действиям». С₃ – «Дипломатия «большой дубинки» дополненная силой доллара». С₄ – «Экспансия американского капитала». С₅ – «Нефтяное оружие».

Известно, что когнитивная карта представляет собой взвешенный ориентированный граф [13].

$$G = \langle V, E \rangle,$$

где V – вершины графа:

$$V = \{v_i\}, v \in V, i = \overline{1, k};$$

E – дуги графа: (1)

$$E = \{e_i\}, e \in E, i = \overline{1, k}.$$

На рисунках 1–5 сплошные линии и символ «+1» обозначают положительную связь между вершинами V_i и V_j , то есть увеличение (уменьшение) влияния вершины V_i вызывает увеличение (уменьшение) в вершине V_j , линии и символ

«-1» означают отрицательную связь между V_i и V_j , то есть увеличение (уменьшение) влияния вершины V_i вызывает уменьшение (увеличение) в вершине V_j [См. 1].

Состав блоков и их взаимодействие представлены на рисунке 1.

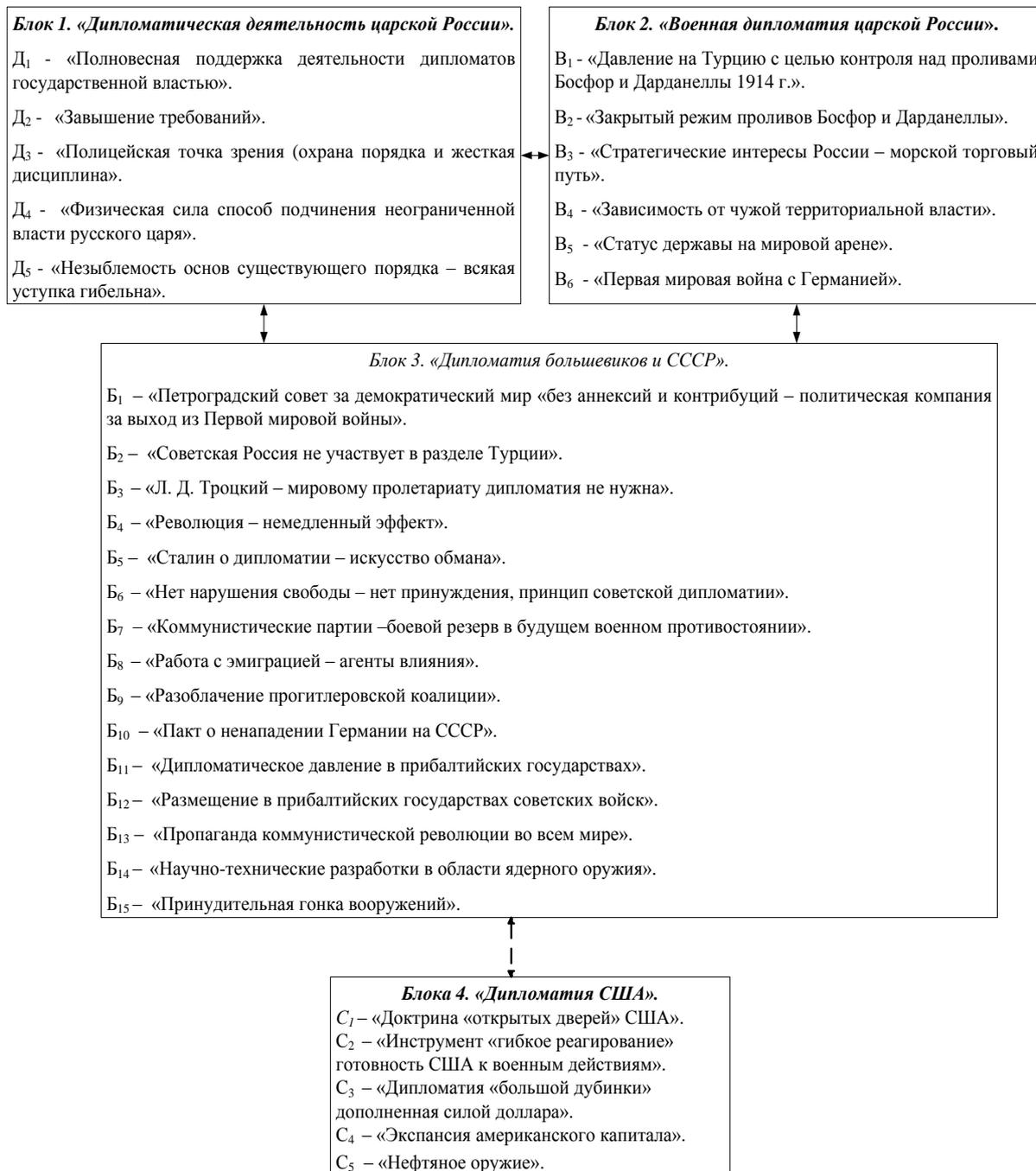

Рис. 1. Состав и взаимодействие блоков системы

«Инструменты (приемы) дипломатии России и США как средство ведения интеллектуальных войн».

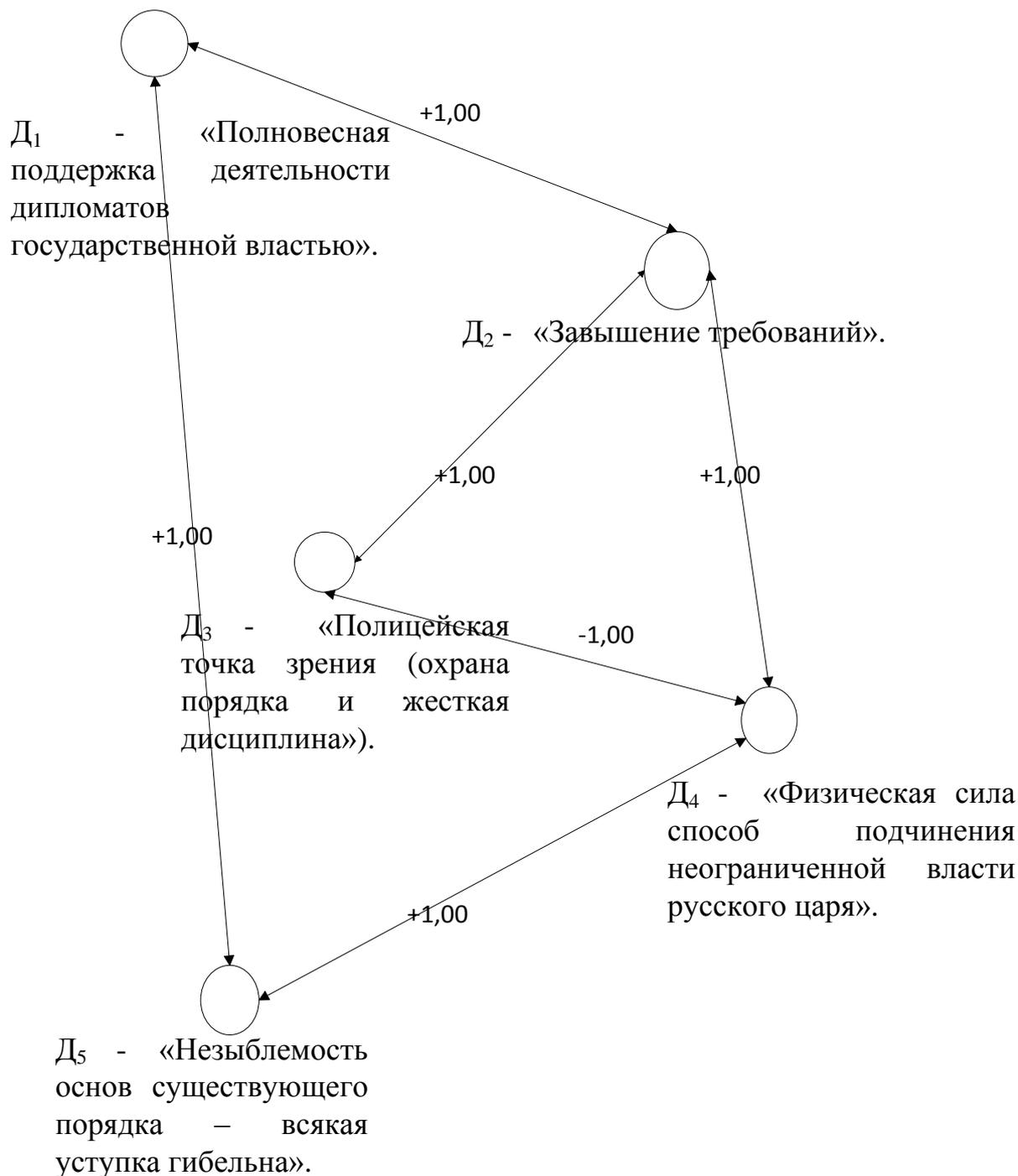

Рис. 2. Состав блока 1. «Дипломатическая деятельность царской России»

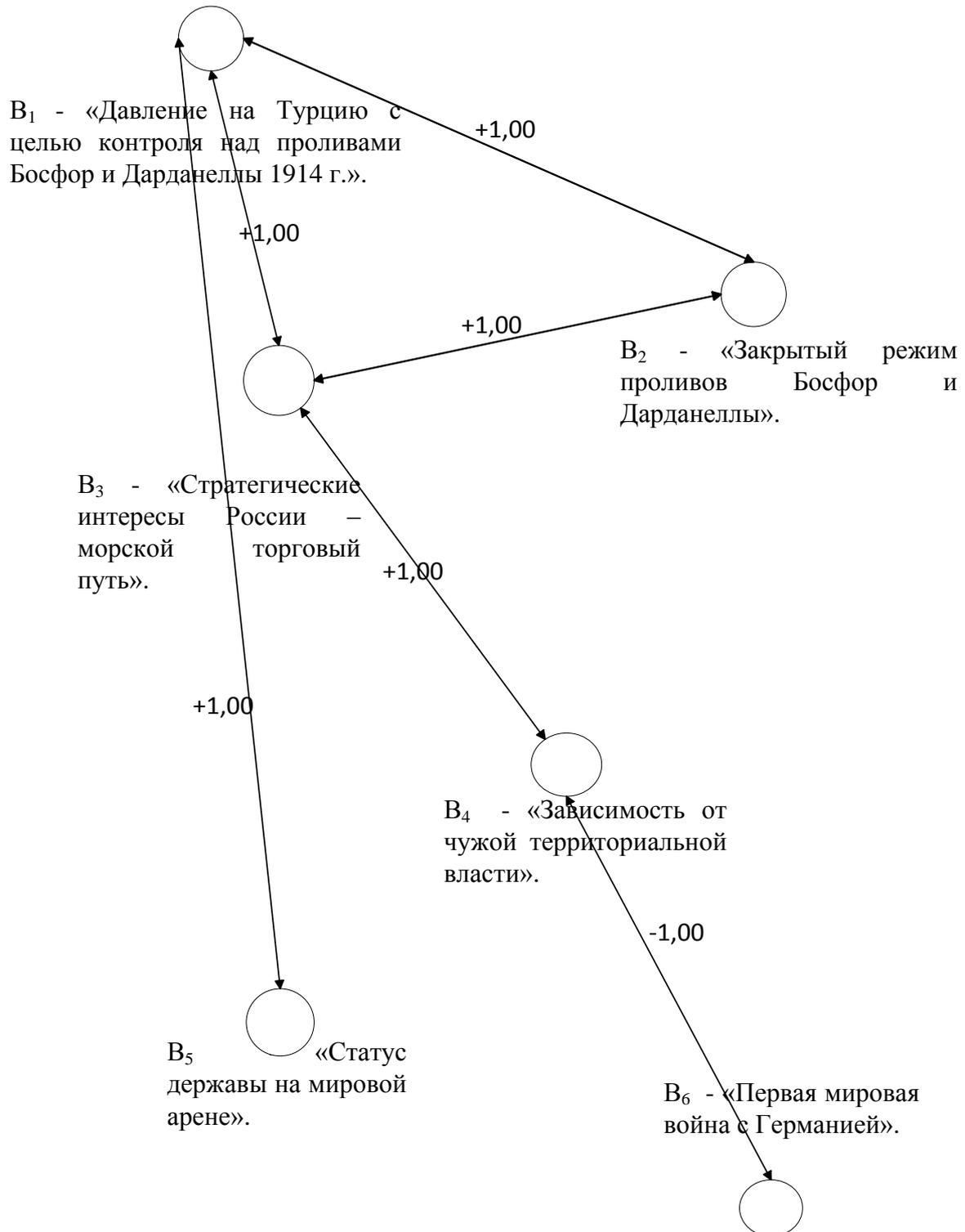

Рис. 3. Состав блока 2. «Военная дипломатия Царской России»

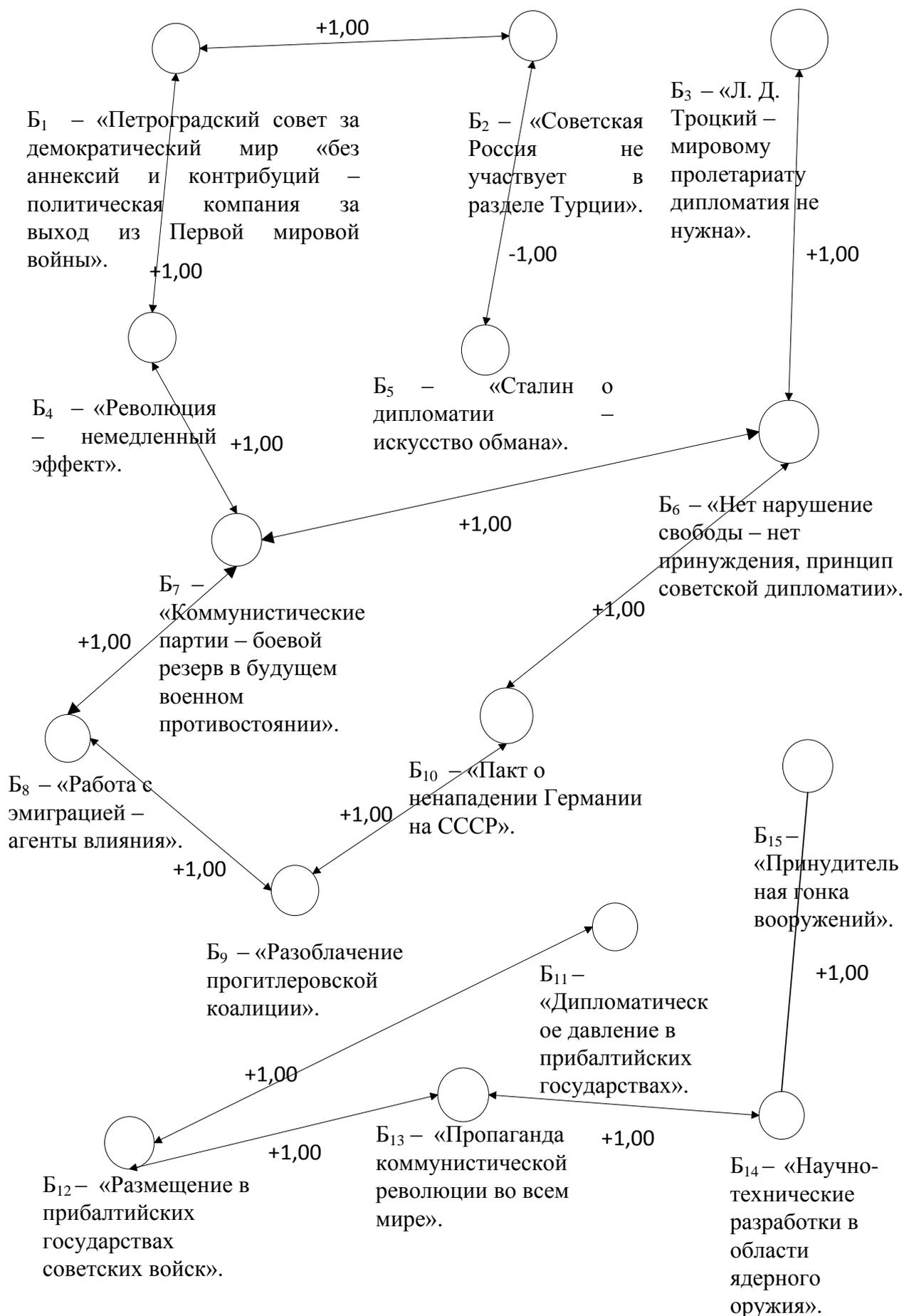

Рис. 4. Состав блока 3. «Дипломатия большевиков и СССР»

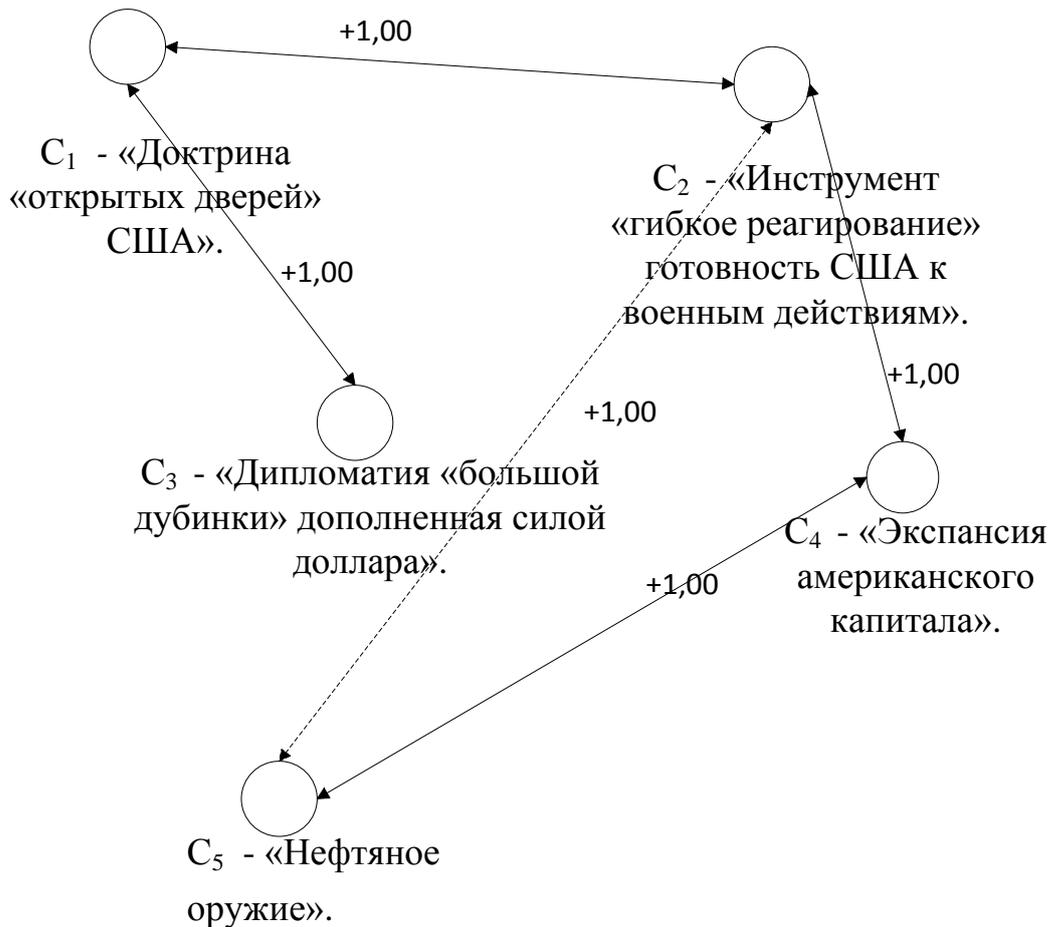

Рис. 5. Состав блока 4. «Дипломатия США»

На рисунках 1–5 представлены когнитивные карты, которые наглядно демонстрируют взаимосвязь блоков, полученных в ходе проведенного анализа социальных практик связанных с применением дипломатических методов и инструментов для решения внешних и внутренних политических вопросов.

Заключение. Так, в дипломатической деятельности царской России блоки взаимосвязаны следующим образом: Д₁, Д₅, Д₂ + Д₂, Д₃, Д₄, Д₅ и имеют взаимное влияние друг на друга, увеличивая силу применения дипломатических методов и средств. В свою очередь при построении карты, представленной на рисунке 3 и связанной с военной дипломатией царской России связь блоков, выглядит следующим образом: В₁, В₅, В₃, В₂ + В₄, В₆, В₃ и блоки имеют положительную связь. При построении когнитивной карты, связанной с анализом социальных практик дипломатии большевиков и СССР мы выявили следующие связи между блоками: Б₁, Б₂, Б₄, Б₅ + Б₃, Б₆, Б₇, Б₁₀, Б₈, Б₉ + Б₁₂, Б₁₁, Б₁₅, Б₁₃, Б₁₄ – связь между

элементами так же является положительной. Отдельно в нашем анализе отмечены выявленные в ходе когнитивного анализа методы и средства, применяемые США во внешнеполитической деятельности. Это блоки, связь которых выглядят следующим образом: С1, С3, С2 + С4, С5 – С5.

Таким образом, мы можем сказать, что современные дипломатические инструменты России, основанные, с одной стороны, на приверженности мораторию на развертывание ракет средней и меньшей дальности, иными словами, политика государства направлена на мирное урегулирование потенциальных конфликтных ситуаций и снижение рисков, связанных с ними. А с другой стороны, дипломатическая инициатива Кремля направлена на контроль над вооружениями и сохранению главного базиса государственной политики – человеческих ресурсов и соответственно ориентирована на устойчивое развитие государства. В свою очередь дипломатию США возможно соотнести с инструментами ведения интеллектуальных и «горячих» войн. Как нами было показано выше, в прежний времена Америка активно использовала во внешней политике инструменты «гибкого реагирования» иными словами в настоящее время государство активно работает над созданием гиперзвукового оружия и баллистическими средствами доставки. В будущем, по словам советника президента Д. Трампа по национальной безопасности Р. О'Брайена, это укрепит позиции США на переговорах по «реальному контролю над вооружениями».

Кроме того, в настоящее время сложились определенные направления работы по обеспечению безопасности развивающейся личности, и в том числе с применением инструментов дипломатического воздействия. Сюда относятся: создание психологически безопасной среды в образовательных учреждениях, в семье и др.; обучение детей и взрослых правилам поведения в опасных ситуациях; осуществление психопрофилактической и психокоррекционной работы с школьниками, учащимися образовательных учреждений; формирование у людей различного возраста специфических личностных качеств.

Список литературы

1. Адамов К.А. Константинополь и проливы по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Т. I / под ред. Е.А. Адамова. – М.: ЛИТ-ИЗДАТ, 1925. – 549 с.
2. Бьюкенен – Грею, 29 октября 1914 г. «Константинополь и проливы», I. №17. (Расшифровано в Министерстве иностранных дел России).
3. Гасанлы Дж.П. СССР (Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939 (1953). – М.: Центр пропаганды, 2008. – 664 с.
4. Готлиб В.В. Тайная дипломатия во времена первой мировой войны / пер. с англ. В.А. Альтшулера, В.П. Готовицкой. – М.: Социально-экономическая литература, 1960. – 603 с.
5. Гриневский О.А. Тысяча и один день Никиты Сергеича / О.А. Гриневский. – М.: Вагриус, 1998. – 368 с.
6. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) / А.Ф. Добрынин. – М.: ИПО «Автор», 1997. – 687 с.
7. Ерофеев В.И. Дипломат: книга воспоминаний / В.И. Ерофеев. – М.: Зебра Е, 2005. – 487 с.
8. Исраэлян В.Л. Дипломатия (моя жизнь: из личного архива российского дипломата / В.Д. Исраэлян. – М.: Изд-во МБА, 2006. – 226 с.
9. Квицинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала / Ю.А. Квицинский. – М.: «ОЛМА-Пресс», 2000. – 576 с.
10. Киссинджер Г. Понять Путина. Политика здравого смысла / Г. Киссинджер. – М.: Алисторус, 2014. – 208 с.
11. Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника / Г.М. Корниенко. – М.: «ОЛМА-Пресс», 2001. – 415 с.
12. Кудрявцев Н.А. Государево Око. Тайная дипломатия и разведка на службе России / Н.А. Кудрявцев. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-Пресс; Образование, 2002. – 640 с.

13. Максимов В.И. Структурно-целевой анализ развития социально-экономических ситуаций: автореф. дис. ... д-ра техн. наук / В.И. Максимов; Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова РАН. – М., 2002. – 54 с.
14. Млечин Л.М. Тайная дипломатия Кремля / Л.М. Млечин // Аргументы недели. – 2019. – 640 с.
15. Никольсон Г. Дипломатия / Г. Никольсон; пер. с англ.; под ред. А.А. Трояновского. – М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1941. – 153 с.
16. Сахаров А.Н. Война и дипломатия: 1939–1945 гг. / А.Н. Сахаров. – М.: МГИМО, 1995. – 71 с.
17. Судоплатов П.А. Разные дни тайной и военной дипломатии. 1994 год. / П.А. Судоплатов. – М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 382 с.
18. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы / П.А. Судоплатов. – М.: ОЛМА-Пресс, 1997. – 686 с.
19. Тарле Е.В. Крымская война: в 2 т. Т. 1 / Е.В. Тарле. – М.: Юрайт, 2018. – 561 с.
20. Тимербаев Р.М. Рассказы о былом: воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом / Р.М. Тимербаев. – М.: РОССПЭН, 2007. – 271 с.
21. Трояновский О.А. Через годы и расстояния / О.А. Трояновский. – М.: Вагриус, 1997. – 382 с.
22. Уорт Р.А. Антанта и русская революция. 1917–1918 / Р.А. Уорт. – М.: Литагент «Центрполиграф», 2011. – 310 с.
23. Hill D. A History of Diplomacy in the international development of Europe, v. II, London, 1905. 481 p.